

Независимая газета, - 1998, - 15 янв. - с. 15

ПОЯВЛЕНИЮ Александры Марининой тоже сопутствовало какое-то символическое событие?

— Нет. Я много писала с детства — стихи, какие-то сопливые романы типа дамских, пародии на детективы, у одного из сатириков украла имя Михрюнька, и он был героем всех моих пародий.

Потом, занявшись научной работой, я все это забросила. И вот однажды мой коллега предложил написать детектив. Его звали Александром, меня Мариной, и мы изобрели героиню-журналистку Шурочку Маринину, у которой есть друг детства сыщик Саша. С ним она консультировалась, как себя вести, чтобы не обокрали квартиру, не украли шубу и т.д. Это все печаталось в журнале «Милиция» под рубрикой «Школа безопасности». И когда он предложил написать детектив, мы с хохотом и визгом написали его, оставив тот же псевдоним. После того как детектив был принят и опубликован, я решила попробовать написать сама. Страх был велик: ведь неизвестно, чья заслуга была больше. Я придумала свою героиню Анастасию, написала первую повесть «Стечение обстоятельств» и принесла в журнал, на 95% уверенная,

С автором самых популярных отечественных детективов я встретила случайно, заглянув в книжный магазин «Москва» на Тверской, как раз в то время, когда там проходила презентация нового романа Александры Марининой. Через несколько дней я сидела в кабинете подполковника милиции Марины Анатольевны Алексеевой в Московском юридическом институте на Юго-Западе в тот самый момент, когда Алексеева внимательно изучала подписанный приказ о своем увольнении. Пожалуй, для начала слишком много совпадений...

Миссис Джекил и миссис Хайд

Писательница Маринина все-таки убила юриста Алексееву

что «не то». Похвалили и опубликовали. Через год в отпуске я написала «Игру на чужом поле» — опять похвалили и опубликовали.

— Правда ли, что вы пишете роман за полтора месяца?

— Когда как. «Не мешайте палачу» и «Чужая маска» действительно были написаны за полтора месяца. Но для этого нужны особые обстоятельства. Прежде всего большое эмоциональное напряжение, когда есть потребность выговориться и пишется легко и быстро. Ну и, кроме того, чтобы на работе не было никакой гонки, ничего такого срочного, чтобы все нормально было дома, не болели родственники. На два романа такие обстоятельства выпали. Но бывает поразному. «Мужские игры» я писала три месяца, «Я умер вчера» — пять месяцев с огромными перерывами.

— Вы пишете сразу набело?

— Да. У меня не бывает вариантов. Конечно, я знаю, что настоящий художник должен переписывать, как Лев Толстой. Но я не Лев Толстой, я не считаю себя великим мастером, я пишу так, как чувствую. Работаю на компьютере, потом перечитываю, убираю всякие несуразности, делаю редакторскую правку, и все.

— Кого вы читаете?

— Когда я пишу, я не читаю вообще. То есть мне очень хочется читать, но я открываю книгу и буквально через два абзаца начинаю думать о том, каким будет следующий эпизод. Я очень люблю Сидни Шелдона, но, к сожалению, все, что у нас было переведено, я давно прочла, очень люблю Дика Френсиса, его лошадиную эпопею. Вообще я люблю детективы, преданно, нежно, с самого детства и с удовольствием их читаю. А не детективы читаю по настроению. То есть могу впасть в такое настроение, что с удовольствием перечитываю «Иудейскую войну», примерно раз в год также обращаюсь к этой книге — но это совершенно другое состояние, состояние жуткой тоски, депрессии, когда не получается роман...

— Кто из авторов наших детективов вам нравится?

— Не скажу.

— Вы описываете суровое мужское окружение в жанре?

— Нет. Я ведь ни с кем практически не знакома. С Николаем Леоновым встречалась дважды на телевидении, с Даниилом Кореем тоже дважды: на телеигре и когда была в командировке в Ростове. Больше я ни с кем не знакома и не знаю, как они ко мне относятся.

— Как вы относитесь к «женской прозе»?

— Конечно, хорошо, потому что я тоже женщина и у меня женский взгляд на мир. Когда передо мной сборники рассказов, написанных женщиной и написанных мужчиной, мне первый нравится больше, потому что он мне понятнее, мне понятна эта точка зрения. Другое дело — sentimentalный женский роман. Я читаю его только тогда, когда там есть настоящая интрига, а если там только «напрягающиеся соски» и герой сначала плохой, а потом чудесный, потому что сильно любит героиню, но скрывал — я это не очень люблю. Не могу сказать, что это плохо, это только мое мнение. Может быть, это здорово, ведь есть миллионы женщин, которым такие романы очень нравятся. Они нашли свою нишу в этих книгах. Я нашла в других. Говорить «это хорошо» или «это плохо» — просто неприлично.

— О женской прозе один критик сказал — «женской писательской души нет — слишком близко к телу». Многие перестали себя после этого называть «женскими» писательницами.

— Есть проза, написанная муж-

чинами, есть — женщинами. Шелдон пишет, быть может, женскую прозу, и наверняка многие писательницы пишут вполне «мужские» вещи. Конечно, «женская проза» интересует больше психологией, душевными переживаниями. Но при чем тут «душа ближе к телу»? Безусловно, каждый человек имеет право на свою точку зрения и ее нужно уважать. Самая большая ошибка — когда человек замещает свою личную оценку какими-то критериями, обобщениями типа «плохо», «хорошо», «гениально», «бездарно». Мы не имеем на это права. Только Бог знает, что гениально, что не гениально, а ты можешь судить только о своих вкусах. Когда я прочитала в газете: «Доценко — это плохо, это литературный хлам», я подумала: да кто ты такой? Миллионы людей читают Доценко, и ты им говоришь, что у них нет вкуса, они читают хлам? Эти люди уважаемы настолько же, насколько уважаем он сам, кто вы такие, критики, чтобы наплевать в душу миллионы людей?

— Кто из ваших критиков вам нравится?

— У меня в основном интервью берут, а статей было всего две: одна резко отрицательная, другая резко положительная.

— Одна активистка мне недавно сказала, что ваша героиня Каменская — эталон современной феминистки, а вы — самая феминистская писательница современности.

— Я не знаю, что такое феминистка. Если это та, которая считает, что не хуже мужчины, то я, безусловно, феминистка. А если та, которая считает себя лучше мужчины, то я против, это шовинизм. Анастасию я списала с себя на 95%. Разница в том, что она занимается следственной работой, а я — нет. А так — характер, тип мышления, любовь к обществу (мне трудно, когда больше двух человек), то, что ей хорошо одной в кабинете, дома — все я списала с себя. Когда мне говорят, что такого характера не бывает, мне становится смешно. Значит, меня просто нет в природе.

— А другой женский образ — писательницы и сыщицы Татьяны Образцовой-Томилиной?

— Этот персонаж возник почти случайно, и я его полюбила как прихлидного щенка. Дело в том, что как-то мне предложили написать роман для серии «Черная кошка». А поскольку серия «Мужская», то предложили выбрать мужской псевдоним. Значит, нужны новые герои. Я придумала Стасова в романе «Черный список» и в пару ему Татьяну Томилину, стараясь сделать ее максимально не похожей на Каменскую. Она очень женственная, полная, любит жить всегда в семье, легко выходит замуж, легко заводит романы. В отличие от Насти, которая неактивная, замкнутая и т.д.

Когда я написала роман и принесла в редакцию, мне сказали: вы знаете, у нас уже есть две ваши книги, они хорошо раскупаются, ничего не надо менять. Так псевдоним остался, зато потом я постоянно стала вводить Стасова и Татьяну Образцову-Томилину в другие романы, а в последнем романе «Я умер вчера» Настя и Татьяна параллельно ведут два дела.

— Два женских персонажа в ваших книгах выглядят ярче и сильнее мужчин.

— Это вам так кажется. На самом деле генерал Заточный...

— Это икона...

— Эта икона в «Мужских играх» делает Насте очень больно. Ему надо — он так поступает. Он делает дело, он на нее наплевал. И Настя не может это забыть и простить. Есть Леша, который тоже по-своему ярый, он показал характер, показал, что он не тряпка, и выполняет роль няньки и кухарки при Насте только потому, что давно ее любит. Это крупный ученый, очень занятый.

— Все ли герои имеют прототипов?

— Я использую реальные черты характера. Человек, ставший прототипом Заточного (хотя он не генерал), имеет ту же самую улыбку, когда он улыбается, ему невозможно отказать. И те же желтые глаза. Точно так же с Коротковым. Я встречала мужчин, которые гениально умеют найти себе такую женщину-«жилетку», которой будут все время плакаться. Такую подружку, обычно сослуживицу, безо всякой романтики. Один из таких мужчин даже сумел из меня на какое-то время сделать такую «жилетку». Хотя внешне ничего общего с Коротковым у него нет.

— Вы считаете себя сильным человеком?

— Нет. Во-первых, я легко могу расплакаться. Более того, все время боюсь расплакаться на людях. Если я еду в метро с книжкой, я всегда слежу за текстом, и, почувствовав приближение эпизода, который может меня сильно задеть, книжку закрываю. Могу расплакаться в рабочем кабинете, и никакое присутствие полковников в звездех меня не остановит. Мне это неприятно, это моя слабость, которая отравляет жизнь. Потом я очень ленива. Для меня подняться и выйти из дома — всегда проблема.

— В чем вы находите опору?

— Как правило, это близкий мне человек, он подставляет плечо, утешает, поддерживает, короче вытирает слезы во всех житейских делах. Решает мои проблемы. В ситуациях творческих — когда у меня кризис, кажется, что я исписалась, иссякла, — мне помогают письма читателей. Пусть их двадцать-тридцать человек, но они меня читают, они любят мои книги.

— Сильно ли изменилась ваша жизнь после того, как вы стали популярной?

— Она практически не изменилась. Только стали чаще приходить журналисты, надо выкраивать время для них. Естественно, мне это не нравится. Иногда люди ухитряются найти мой служебный телефон (я никогда не скрываю, где работаю) или наши «святыне» мальчики в «дежурке» его дают. Теперь я слушаю голос на автоответчике, если не хочу говорить — прячусь, не отвечаю.

Недавно был звонок, от которого просто волосы дыбом встали: «Александра! Срочно позвоните мне, мой телефон такой-то». Явно читательница. Она считает, что имеет право на мое время, мою жизнь. Мое время с 9 до 6 — здесь, оно принадлежит МВД, потом я еду домой, какие-то дела дома. Если есть минута, сажусь за компьютер и пишу новую книгу. У меня нет времени. На журналистов, да, нахожу, но у них своя работа, у меня — своя, тут можно найти разумный компромисс. Но для читателя — нет. Он видит во мне человека в погонах, он хочет, чтобы я выслушала его проблему. Я не могу этим заниматься. Я слишком юрист, я юрист в третьем поколении, я никогда в жизни не позвоню следователю, даже своему близкому другу, и не составлю протокол. Следователь свои решения принимает сам, я не могу его просить, да у меня и нет таких друзей. Так что этот разговор будет бессмысленным, я потрачу три часа и помогу ничем не смогу.

— А у подъезда вас еще не ищут?

— Были случаи, мне пришлось здесь задержаться.

— Самый запомнившийся случай из общения с читателями?

— На одной из презентаций книги «Мужские игры» в магазине подошла женщина и попросила подписать две книги: одну ей, другую — «зайчику». Я спросила — это внук? Она говорит — нет, это мой муж, мы 50 лет живем. Он, когда читает ваши книги, не пьет. Для меня это был очень лестный комплимент. А в другой раз подошли две девушки с юрфака, студентки.

У меня есть эпизод, в котором описана очень строгая преподавательница, которая не любит женщин. Я сама с ней сталкивалась, получила «тройку», единственную в моем пятилетнем дипломе, потому что девушка не могла получить оценку выше «тройки». Студентки подошли и спросили: вы такую-то имели в виду? Оказалось, она совсем не изменилась, а ведь двадцать лет прошло. Мне было приятно, что читали, узнали, что описание оказалось правдивым.

— А коллеги что говорят?

— Для меня главное, чтобы они не нашли милицейские неточности. У меня есть консультант, мой близкий друг, которому я даю читать все написанное, чтобы не было процессуальных неточностей. Это очень ценно. Приятно было, когда женщины в прокуратуре прочитали и сказали: надо же, все как в жизни. Ведь бывает так: открываешь книжку уважаемого автора и читаешь, что начальник милиции ведет уголовное дело — тогда я эту книжку закрываю и никогда не читаю этого автора. Потому что уголовное дело ведет следователь, который вообще не милиция, а кроме него уголовное дело может держать в руках прокурор по надзору, адвокат и судья, больше ни-

кто. Я рада, что пока в моих книгах коллеги таких неточностей не находили.

— Вы — криминолог, кандидат наук. Расскажите о вашей работе.

— Последние три года я занималась организационной работой, руководила отделом, довольно большим. А до этого 15 лет честно отдавала науке. Работала с утра до ночи. Писала, что-то придумывала, собирала материал, анализировала. Обыкновенная работа.

— Как вы решили стать юристом?

— Сначала я совершенно не собиралась им становиться. Родители, надо отдать им должное, относились к этому с пониманием, хотя оба — и отец, и мать — юристы. Потом, когда я училась в десятом классе, умер отец, и что-то во мне перевернулось. Я почему-то подумала, раз он умер, я должна стать юристом. И ни разу не пожалела об этом решении. Потому что на своей научной работе я была счастлива. Несмотря на разного рода карьерные истории, когда меня после защиты диссертации направили лаборантом работать (никому не нужна была женщина — не член партии и т.д.), то есть я накушалась. И оттого, что я женщина, и оттого, что не член партии, и оттого, что не работала на практике, меня не повышали по службе или давали работу ниже моего звания. Но несмотря на все это, в самой научной работе я пережила очень много счастливых минут, неожиданных озарений, открытий, когда твои прогнозы подтверждаются, ты проверяешь материал и это видишь — это восторг, именно восторг, который мало с чем сравним. Хотя, конечно, было много скучной работы. Бывает, начальник приезжает из министерства и в пять вечера говорит: завтра утром должен отвести бумагу. Значит, в семь ее должны увести от нас, в пять должна прийти машинистка, чтобы печатать, а нам до пяти утра дано время, чтобы это все придумать. При этом задание могло быть не по теме, могло быть совершенно неинтересным.

— Почему вы решили уйти со службы?

— Я ушла, во-первых, потому что почувствовала, что становилось неудобно. Женщина, на которую неудобно кричать, потому что она пишет. Во-вторых, раньше мне удавалось совмещать работу и книги. Теперь это стало сложнее, все больше появляется сюжетов. А сидеть на двух стульях — это нечестно.

— Сейчас вы пишете новую книгу?

— Сейчас нет. Все-таки решение уйти со службы было для меня исключительно трудным. Я работала 19 лет. Привыкла так жить с трех лет: вставать в половине седьмого и идти... в детский сад, школу, университет, на службу. Я так жила всегда. Несмотря на то, что я — сова и мне трудно вставать утром. Я всегда боялась, что этот ритм собьется, и, конечно, мне трудно было принять это решение. На душе было смутно, я не написала ни строчки. Может быть, сегодня, когда все уже решено, подписан приказ, на руках обходной листок — может быть, сегодня что-то и переломится.

— Что бы вы себе пожелали как писателю?

— Не лениться.

— Ваша любимая фраза?

— К сожалению, ее придумала не я, но следую ей свято, и она срывается. Это Булгаков: «Никогда ничего не просите, особенно у тех, кто сильнее, сами придут и попросят, и еще умолять будут». Я никогда ничего не прошу. Я умею ждать. Может быть, это единственное мое достоинство на фоне многочисленных недостатков. Я умею ждать. Могу ждать годами. И я знаю, что дождусь.

Беседовала
Надежда АЖГИХИНА